

— Сугуру, — внезапно позвал Сатору. На его скулах проступил лихорадочный, неестественно яркий румянец.

Гето, как раз собиравшийся помочь Харе подняться, замер и обернулся:

— М-м? Что тако... Ой!

Договорить ему не дали. Сатору, лениво развалившись на стуле, ткнул его пальцем прямо в бок. Мышцы Гето рефлекторно напряглись. Сатору сонно моргнул и ткнул снова.

— Ой-ля-ля... Странно. Сугуру, почему ты качаешься? Черт, как голова кружится...

Обычно чистый, звонкий голос сейчас звучал непривычно мягко, с капризными, тягучими нотками, словно Сатору выпрашивал ласку. Он едва выговаривал слова, забавно растягивая гласные.

Гето мысленно застонал. Ну конечно! Этот оболтус пьян в стельку. А ведь сидел с таким невозмутимым видом, что можно было подумать, будто в этот раз пронесло.

— Хе-хе... Мне так хорошо~ Ля-ля-ля-ля~

Уткнувшись лицом в столешницу, Сатору глупо заулыбался и затянул какую-то фальшивую, напрочь лишенную слуха мелодию.

Рядом, полулежа на диване, примостился беловолосый мальчишка. Его взгляд затуманился от хмельной влаги, но губы тоже расплылись в блаженной улыбке:

— Ха-ха... Сколько Сугуру... Один, два, три... О, песню, которую поет Харе, я тоже знаю! Ля-ля-ля~

Он принялся негромко напевать. Его чистый, юношеский голос идеально попадал в каждую ноту — разительный контраст с завываниями Харе, у которого слух явно ушел в глухую оборону.

Гето почувствовал, как у него начинает дергаться глаз. Обоих развезло! В один миг!

А ведь стоило насторожиться еще при посадке на корабль, когда упомянули нового кока. Особенно когда тот радостно объявил, что приготовил каштановый торт Монблан.

В традиционных японских сладостях алкоголя нет, и в клане Годжо все прекрасно знали, что Сатору спиртное противопоказано, поэтому десерты для него всегда делали безалкогольными.

Но у обычных поваров в порядке вещей плеснуть в каштановый крем капельку рома для аромата. Этот кулинарный гений, видимо, запомнил только то, что молодой господин Годжо — жуткий сладкоежка, а про табу на алкоголь напрочь забыл.

Какая нелепость. Кто бы мог подумать, что несчастная ложка рома способна уложить сразу двух сильнейших магов современности.

Сатору еще немного помурлыкал под нос, а потом его блуждающий в пространстве взор снова наткнулся на покачивающегося перед ним Сугуру. Сладко улыбнувшись, он принялся сосредоточенно пересчитывать пальцы на своей руке.

Харе, распластавшись на столе, тут же перестроился и затянул детскую считалочку про утят. Беда в том, что Сатору каждый раз сбивался на тройке, забывал, что идет дальше, и начинал счет заново.

Окончательно осовевший Харе, который уже и сидеть-то толком не мог, искренне за него переживал. Он заворочался, пытаясь подняться, чтобы лично научить нерадивого папашу считать.

Гето почувствовал себя воспитателем в ясельной группе. Подавив очередной вздох, он одной рукой перехватил блуждающие пальцы Сатору, а второй мягко, но настойчиво усадил Харе обратно. Прочистив горло, он выдавил из себя строгий командный тон, чувствуя, как краснеет до корней волос:

— Так, ротик на замке?

Харе с невероятной гордостью и во все горло выкрикнул:

— И ни звука!

Сатору абсолютно потерянным голосом спросил:

— А-а?

Гето, сгорая от стыда, но видя поразительный терапевтический эффект, заставил себя продолжить:

— А ушки?

Харе, высоко задрав подбородок и сияя от счастья, ответил:

— Слушают внимательно!

Сатору все так же выпадал из реальности:

— А-а?

Во что это они играют?

«Господи, за что мне это... Какое позорище».

Гето ласково потрепал послушного Харе по макушке и нежно похвалил:

— Умница. Посидите тихонько, а я пойду велю принести вам отрезвляющего чаю.

От теплого прикосновения к голове Харе замер. Это мимолетное ощущение ласки отозвалось в нем щемящим чувством. Он вспомнил старое видео, записанное Сатору, где тот точно так же ерошил ему волосы.

Мальчик вдруг ткнулся лицом в ладони, сложенные на столе, и безутешно, горько разрыдался:

— У-у-у... Папа... Хнык... Я так скучаю по тебе...

— Эй, Харе? — Гето опешил. Растерянность сковала его движения.

Почему он плачет? Я что, слишком сильно нажал на макушку? Не мог же я повредить ему мозг?!

Среди его знакомых пить не умел только Сатору. Но тот алкоголь не любил — язык у него был чувствительный, как у кошки, вся эта спиртовая горечь ему не нравилась. Пьянел он тихо и мирно, без буйства. Сёко обладала поистине чудовищной стойкостью, ее пьяной никто не видел. Аки, Дэндзи и малютка Пауэр тоже держали удар прилично. С плачущими пьяными Гето сталкиваться еще не приходилось, и он решительно не представлял, что делать.

Харе повернул к нему заплаканное лицо. Уткнувшись подбородком в край стола, он жалобно шмыгнул покрасневшим носом и, кривя губы, запричитал навзрыд:

— Мама... Мне так не хочется уходить... Ик... Не хочу уходить! Я хочу всегда... всегда быть с папой и мамой... Мне не нужны эти глаза, ничего не надо...

Сквозь пьяную пелену Сатору не расслышал сбивчивых, глотаемых вместе со слезами слов. Кое-как удерживая спину ровно, он захлопал в ладоши, глядя на них блестящими, как

драгоценные камни, глазами:

— О! Я понял! Вы сейчас играли в игру в остроумие, да?

Искренне радуясь своей догадке, он расплылся в улыбке и принялся изо всей силы хлопать рыдающего Харе по плечу:

— Ну же, Харе-кун! Даже если ответил не попад, плакать-то зачем!

— Кха... Кха-кха! — Харе, у которого от слез и так перехватило дыхание, от этих дружеских шлепков зашелся в яростном кашле.

Гето едва не взвыл. Да помогите же кто-нибудь! Он поспешно оттащил тяжелую руку Сатору и принялся совать Харе бумажные салфетки.

Накашлявшись, Харе притих. Выплавав все силы, он безвольно уткнулся лбом в столешницу. Одной рукой он намертво вцепился в широкий рукав юкаты Сатору, а второй — в одежду Гето, сидевшего между ними. Словно напуганный ребенок, которому жизненно необходимо держать маму за руку, чтобы уснуть в безопасности.

Гето призвал одного из своих проклятых духов. Тот бережно подхватил разомлевшего мальчика и устроил на своей широкой спине. После этого Сугуру наклонился к Сатору, заглядывая в его мутные глаза:

— Сатору, я отнесу Харе в спальню. Подождешь меня здесь немного, ладно?

Тот послушно, непривычно тихо кивнул. Таким покладистым он не бывал почти никогда.

Гето не удержался от мягкой улыбки:

— Надо же, какой ты послушный, когда пьяный.

С этими словами он выпустил еще одного духа — огромного черного полоза. Проклятие бесшумно выскользнуло из темного вихря и послушно обвилось ножки стула Сатору, не сводя с него пристального змеиного взгляда.

— Охраняй его. Я быстро.

Все-таки это был обычный гражданский корабль, а не защищенная барьерами территория школы. На случай непредвиденного визита наемных убийц или проклинателей дополнительная охрана лишней не будет.

Уложив Харе в постель и распорядившись насчет отрезвляющих напитков, Гето поспешил обратно.

Когда он вошел в обеденную залу, его змееподобный страж уже всюду страдал: Сатору увлеченно пытался завязать несчастное проклятие в аккуратный бантик.

— Смотри, Сугуру! Черный бант! — радостно возвестил он, демонстрируя плод своих трудов. — Тебе бы очень пошло~

Несмотря на дрожащую от страха тушу духа, стоило признать: даже в стельку пьяный, Сильнейший умудрился завязать идеальный, симметричный узел.

Гето взмахом руки отозвал измученное создание. С невольной улыбкой он подошел ближе и помог Сатору подняться.

— Ладно, художественную часть оценил. А теперь пошли в комнату.

— Ура-а~ — Сатору с готовностью навалился на его плечо всем своим немалым весом.

От него пахло сладким каштановым кремом и едва уловимо — терпким ромом. Теплое дыхание Сатору коснулось шеи Гето, заставив кончик его уха мгновенно вспыхнуть пунцовым цветом. Металлическая поверхность черной сережки-гвоздика мгновенно запотела от этого влажного тепла.

Гето слегка отстранился, упираясь плечом в его подбородок:

— Щекотно же. Встань ровнее...

Белая вихрастая макушка, словно повинувшись духу противоречия, тут же потерлась о его щеку:

— Ой, Сугуру у нас такой недотрога~ Неужели уже терпелка кончилась?

«Он пьян. Он просто пьян. С пьяными не спорят».

Повторив про себя эту мантру трижды, Гето подавил острое желание вышвырнуть этого кота на палубу и устроить спарринг.

Дорога до каюты была недолгой, но заняла вдвое больше времени, чем доставка Харе.

Гето с опозданием понял, что по сравнению с Сатору Харе в хмелю был просто ангелом — поплакал и заснул. Сатору же, поначалу казавшийся тихим, внезапно поймал кураж. То ему срочно требовалось пойти на палубу ловить рыбу, то он непременно желал заплести Сугуру хвостики, то требовал включить приставку. Кое-как, уговорами и обещаниями, Гето все же затолкнул его в каюту.

— Уф... Ну все, ложись отдыхать. А я принесу...

Дверь за его спиной захлопнулась с глухим стуком. Не успел он даже обернуться, как Сатору ловким движением перехватил его запястья, завел их за спину и крепко прижал Гето грудью к двери.

— Сатору?

Оказавшись в ловушке, Гето уткнулся щекой в прохладное дерево двери. Поза была крайне неудобной, но он сдерживал силу, боясь, что пьяный друг потеряет равновесие и расшибется.

— Это еще что за фокусы?

Опасаясь новых безумных идей, он поспешил добавить:

— Сразу говорю: никакой рыбалки ночью. Свалишься за борт — ловить не стану. И игр никаких нет.

— Да сдались мне эти глупости, — раздался над ухом тихий смешок. Прижимавший его человек довольно сощурился. — Но ты сегодня на редкость невнимателен, Сугуру. О чем ты думал? Обычно ты мне так просто не даешься.

В ближнем бою Гето действительно был опасен и невероятно быстр. Но сейчас он просто потерял бдительность, потому что за спиной был Сатору. Сказать об этом вслух, конечно же, было выше его сил.

Не получив ответа, пьяный шаман заговорщически прошептал:

— А-а, я понял! На самом деле ты просто очень хочешь, чтобы я заплел тебе хвостики! Что ж, великий Сатору-сама не может отказать любимому другу в такой малости!

— Нет уж, избавь меня от своих извращенных фантазий... — попытался вырваться Гето. Но хватка Сатору была железной. Удивительно, откуда в этом нетрезвом теле столько дури? Если бы не заплетающийся язык и излишняя веселость, можно было бы подумать, что он абсолютно трезв.

За спиной Сатору в воздухе медленно разверзлась черная воронка. Гето призвал мягкое, похожее на губку проклятие, чтобы использовать его как амортизатор и аккуратно скинуть с себя этого наглеца.

Но стоило ему напрячь мышцы, как Сатору склонился к самому его уху и негромко, с ленивой хрипотцой рассмеялся:

— Обожаю, когда ты упрямишься. Это так мило.

Низкий, вкрадчивый голос Сатору отозвался дрожью где-то глубоко внутри. Вся спина Гето мгновенно покрылась мурашками.

Краем глаза он заметил, как Сатору потянулся губами к его волосам. Осторожно зажав зубами резинку, стягивавшую хвост, он принялся медленно стягивать ее вниз, полуприкрыв глаза:

— Не переживай, Сатору-сама все сделает в лучшем виде...

После душа волосы Гето были собраны лишь наполовину, едва доставая до плеч, а резинка сидела свободно. Сатору без труда стащил ее зубами.

Этот Сатору... он пугал. В нем не осталось и следа от привычного ребячества. Каждая линия его тела, каждое движение сейчас источали такую густую, давящую мужскую энергетику, что у Гето перехватило дыхание. Ему на миг показалось, будто с него заживо срывают одежду. Лицо обожгло стыдливым румянцем.

К счастью, рассыпавшиеся черные пряди надежно укрыли его лицо от чужих глаз, оставив видимой лишь прямую линию носа.

— Хватит паясничать, Сатору. Если сейчас же не отпустишь, я сотру все твои сохранения в играх, когда вернемся. — Голос Гето предательски сел, и он попытался придать ему твердости.

Угроза не возымела действия.

Выплюнув резинку на ковер, Сатору уткнулся носом в его шею, шумно втянул воздух и блаженно зажмурился:

— От твоих волос пахнет черным чаем... Какой приятный...

Он потерся кончиком носа о чувствительную кожу за ухом, обдавая ее горячим, влажным дыханием.

— Это корабельный шампунь... Кхм... Сатору, пусти...

Закончить фразу ему не дали. Словно не замечая личных границ, Сатору бесцеремонно запустил свободную руку ему под юкату, шаря по телу:

— У тебя есть еще резинки? Одной штуки для хвостиков маловато...

Раздался негромкий стук в дверь:

— Молодой господин Годжо, мы принесли средства от похмелья.

Голос слуги прозвучал одновременно со словами Сатору. Зажатый между массивным телом друга и дверью, Гето физически ощутил вибрацию дерева своей грудью. Сердце испуганно забило в горле.

Словно забавляясь его испугом, Сатору медленно провел ладонью от его поясницы вверх, к лопаткам, а затем прижал указательный палец к губам Гето:

— Т-ш-ш...

Он явно вознамерился сыграть в «нас тут нет». С обратной стороны двери послышались озадаченные голоса слуг, державших поднос:

— Странно. Ты уверен, что молодой господин вернулся к себе?

— Точно уверен. В ресторане уже никого нет.

Они постучали еще раз, повторив свои слова. Им и в голову не могло прийти, что по ту сторону тонкой перегородки их господин удерживает своего одноклассника, зажав его рот пахнущим сладким кремом пальцем, и нагло ухмыляется.

— Странно... Перед тем как уйти, господин вроде бы упоминал, что хочет порыбачить на палубе. Может, он там?

Шаги за дверью начали удаляться. Гето, чье лицо уже горело так, словно его окунули в кипяток, не выдержал. Резким толчком плеча он отпихнул Сатору.

Тот даже не подумал стереть довольную улыбку с лица. Мгновенно расслабившись, он повалился на оставленное проклятие-губку и сквозь полуприкрытые веки наблюдал, как Сугуру, слегка пошатываясь от пережитого шока, поспешно открывает дверь.

Слуги успели объяснить, что отвара от похмелья на кухне не нашлось, поэтому они подогрели молоко. Великий наследник клана Годжо недовольно скривился: вспомнил аромат чая от волос Гето, и ему безумно захотелось именно его.

Дверь закрылась. Гето, стараясь не смотреть на развалившегося друга, прошел мимо с чашкой теплого молока.

Сатору, словно капризный кот, не желавший отпускать добычу, лениво протянул руку и попытался ухватить его за щиколотку, показавшуюся из-под подола юкаты. В этот раз Гето был начеку и легко уклонился.

Но Сатору, у которого перед глазами и так все плыло, воспринял это как вызов. Он заерзал, собираясь повторить попытку, но Гето взмахом руки отозвал проклятую губку под ним, и Сатору смешно плюхнулся на мягкий ковер, снова промахнувшись.

Это его только раззадорило. Он снова потянулся к ноге друга. Гето, стоявший у постели с чашкой в руках, вздохнул и решил уступить — все-таки ухаживать за пьяными обязанность тяжелая. Но эта секундная слабость дорого ему обошлась: теплая, сильная ладонь Сатору мертвой хваткой сомкнулась на его лодыжке.

— Попался! Я выиграл~

Сатору резко дернул руку на себя. Потеряв равновесие, Гето навзничь повалился на кровать. А чашка...

Большая часть теплого молока выплеснулась прямо на него. Белая жидкость залила пальцы Гето, тонкими струйками побежала по запястью, скрывая под собой отчетливые синеватые вены на бледной коже, и закапала на простыни.

— Са-то-ру! — сквозь зубы процедил Гето, принимая сидячее положение. — Это уже слишком. Вся постель мокрая. Где ты спать теперь собираешься?

К счастью, молоко было едва теплым. Тяжело вздохнув, Гето обреченно отвернулся и принялся слизывать потекшие по руке капли.

Сатору приподнялся на локтях. И замер, глядя на представшую перед ним картину: растрепанные черные волосы, рассыпавшиеся по плечам, полумрак каюты и Сугуру, медленно, скольльзящим движением языка слизывающий белые капли со своего запястья.

Широкий рукав юкаты сполз до самого локтя. Тонкое запястье, отчетливая косточка... и этот влажный, розовый мазок языка на бледной коже. Все это производило словно в замедленной съемке, отпечатываясь в разгоряченном алкоголем мозгу Сатору.

Ему казалось, что, несмотря на туман в голове, он видит каждый волосок, каждую ресничку друга, каждый полувздох. Темные глаза Сугуру, обрамленные густыми ресницами, смотрели на него искоса, с тихой, затаенной укоризной. Этот взгляд будил внутри что-то темное и первобытное.

Забытая резинка для волос выпала из приоткрытого рта Сатору на ковер. Беловолосый шаман, не отрывая взгляда от друга, медленно пополз к нему по кровати. Опустившись на колени рядом, он навис над Гето:

— Раз уж ты жалуешься на расточительность... я все исправлю.

Он мягко забрал чашку из пальцев Гето и в несколько глотков допил остатки молока. Кадык на его шее судорожно дернулся. Несколько белых капель выкатились из уголка губ и потекли по подбородку. Спустя пару секунд стакан опустел.

— Я не жалею...

Сугуру чувствовал себя не в своей тарелке. Сатору вел себя слишком непредсказуемо, а его нетрезвые заигрывания будили в душе странное смятение.

Сатору отставил стакан в сторону и мертвой хваткой вцепился в ладонь Гето, не давая тому отстраниться:

— Тихо, Сугуру. Тут еще осталось...

Голос его звучал сладко, почти умоляюще. И прежде чем Гето успел что-то возразить, Сатору склонил голову и бережно, горячим языком слизнул молочный след с его пальцев.

Влажное, нежное прикосновение к ладони заставило Гето вздрогнуть. Внизу живота проснулся странный, пугающий жар.

— Сатору... хватит...

Он попытался высвободить руку, но тщетно.

Это заходило слишком далеко. Сатору был пьян, он действовал на одних инстинктах и капризах. Завтра он проснется и, скорее всего, ничего не вспомнит. Для него это просто забавная игра. Но для самого Гето...

Внутри него зрело пугающее осознание собственного влечения к другу. Разум твердил, что нужно немедленно прекратить это безумие, но тело отказывалось повиноваться. Особенно когда Сатору находился так близко.

Красота молодого господина Годжо была общепризнанным фактом. Но сейчас, вблизи, без своих вечных очков, он казался каким-то неземным божеством. И это божество, придвинувшись вплотную, легонько ткнуло пальцем в его ключицу, тихо прошептав:

— Сугуру... ты сейчас такой соблазнительный...

Покрасневшие уши, поджатые губы, этот растерянный, испуганный взгляд темных глаз... Сатору находил это невероятно милым. И чувствовал, как внутри него разгорается ответный огонь.

Всегда безупречно одетый Гето сейчас выглядел растрепанным: воротник юкаты съехал, обнажая рельефные ключицы и крепкую грудь, на которых поблескивали капли молока. Намокшая темная ткань плотно облепила тело, подчеркивая каждый изгиб тренированных мышц.

Сатору сглотнул, его взгляд медленно опустился ниже. И вдруг, резко сменив тему с присущей ему хаотичностью, он спросил:

— Слушай, Сугуру... А почему тот проклятый дух звал тебя мамой? У тебя что, грудь больше, чем у обычных женщин?

— Что?! — Романтический флер мгновенно испарился. Гето ошарашенно уставился на друга, чувствуя, как дергается левое веко. — Ты издеваешься? Ты ведь притворяешься пьяным, да? Специально все это устроил, чтобы надо мной поржать?

— Ну Сугуру-у! Почему ты не отвечаешь! — Сатору обиженно надул губы, полностью игнорируя его вопросы. Не сводя глаз с его груди, он капризно заканючил: — Раз не говоришь, я сам посмотрю!

И его загребушие руки потянулись к завязкам чужой юкаты. Гето принялся отпихивать его, Сатору упрямо лез напролом, бормоча: «Дай посмотреть!», «Жадина!», «Тебе что, жалко?!».

У Гето разболелась голова. Поведение Сатору не оставляло сомнений — он действительно был невменяем.

В ходе этой нелепой возни они оба не удержались на краю и с грохотом полетели на пол.

Гето, боясь, что пьяный друг приложится головой о тумбочку, в последний момент успел подставить под него свое тело. Приняв удар на себя, он глухо охнул, но не успел даже перевести дух, как почувствовал прохладу — его юката оказалась распахнута наполовину. Сидевший на нем Сатору с любопытством уставился на обнаженную плоть и бесцеремонно ткнул пальцем в грудную мышцу.

— Ого...

Он слегка сжал упругую кожу. Мышцы Гето под его пальцами рефлекторно сократились.

— Ничего себе...

Гето зажмурился и отвернулся, прикрыв лицо ладонью:

— Сатору, прекрати...

Голос его звучал глухо и как-то беззащитно.

Сатору удивленно моргнул:

— М-м? Почему?

Он нехотя убрал руку и облизнул палец, на котором остался едва заметный молочный след. И вдруг, словно осененный гениальной мыслью, радостно щелкнул пальцами:

— О! Я придумал!

Он с готовностью рванул ворот собственной одежды, обнажая грудь, и схватил руку Гето:

— Смотри, у меня тоже классная! Потрогай, Сугуру! Ну же, сравни! У кого больше?

Гето мысленно попрощался со здравым смыслом.

— Знаешь что... заплети мне лучше хвостики.

Если это безумие не прекратить, они зайдут слишком далеко. Пусть уж лучше занимается своими глупостями, пока не протрезвеет...

Глаза Сатору загорелись восторгом. Он радостно вскрикнул и сполз с друга на пол в поисках потерянной резинки. Но поиски продлились недолго — через минуту он уже мирно посапывал, уткнувшись носом в ковер.

В соседней каюте Харе сквозь сон услышал приглушенный глухой стук из-за стены. Словно

что-то тяжелое упало на пол. Он попытался разлепить веки, чтобы проверить, все ли в порядке, но тяжелый хмель навалился свинцовой плитой, утягивая его обратно в пучину беспокойного сна.

Спалось ему плохо. Ему снился кошмар.

Он снова был маленьким. Вернее, он вернулся в тот самый день и в ту самую подворотню, где когда-то появился на свет.

Стоял тихий зимний вечер. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая грязные кирпичные стены в тусклые, багрово-золотые тона.

Он, крошечный и беззащитный, парил в пустоте заброшенного переулка. Было невыносимо холодно. Редкие лучи заходящего солнца светили прямо на него, но не приносили ни капли тепла.

Вокруг царила мертвая, звенящая тишина. В этот морозный час не было слышно даже шороха ветра.

Малыш не знал, кто он, зачем здесь и куда ему идти. Он просто висел в воздухе, вслушиваясь в удаляющиеся шаги тех, кто его оставил. И внутри его крошечного существа медленно закипала горькая, удушливая обида.

«Почему они ушли?»

«Почему бросили меня одного?»

«Мне ведь тоже одиноко...»

«Разве я... не ваш ребенок?»

Маленький зародыш проклятия во сне судорожно сжимал кулачки. По мере того как обида перерастала в глухую ярость, в его сознании эхом раздавались чьи-то обвиняющие крики.

Злость отравляла разум. Он не понимал причин, ему просто было холодно и одиноко. Тонкие струйки черного тумана начали отделяться от его тельца, постепенно сплетаясь в силуэт, в точности повторяющий его собственный.

Призрачная фигура была нестабильной: то принимала человеческие очертания, то рассыпалась бесформенным облаком. Но стоило в переулке раздаваться чужим шагам, как тень мгновенно втянулась обратно.

Его нашли. Заперли в железную клетку, обклеенную печатями, и куда-то повезли.

Холодный металл обжигал кожу, заставляя дрожать еще сильнее. Ему до безумия хотелось, чтобы его просто обняли, прижали к теплему человеческому телу. Но стоило ему пошевелиться, как конвоиры испуганно и враждебно оборачивались.

Он не видел их лиц, но кожей чувствовал эти взгляды — полные безразличия и страха. Взгляды людей из Главного управления магии, смотревших на него как на опасное чудовище.

Потом железный ящик сменился просторным вольером. Ему присвоили кодовое имя: «Экспериментальный образец 1224». Там, за толстым стеклом, он провел свою первую, бесконечно долгую зимнюю ночь.

Он помнил, как сжимался в комочек в самом дальнем углу под холодный смех дежурного лаборанта. Тот развлекал своего коллегу шутками:

— Глянь-ка, это проклятие, оказывается, холода боится! Неужто оно всерьез думает, что раз родилось с человеческим лицом, то стало человеком? Ха-ха-ха...

Смех оборвался на полуслове. Черная тень, вырвавшаяся из тела подопытного, сомкнула призрачные пальцы на горле шутника, оборвав его жизнь.

Но остальные словно не заметили невидимого убийцу. Они лишь засуетились, спешно наклеивая на бронированное стекло новые ряды умиротворяющих печатей.

В тот момент Харе казалось, что он останется в этой бетонной коробке навсегда. Но внезапно тяжелая дверь слетела с петель от сильного удара. В проеме показался человек. Он уверенно подошел к клетке. Мальчик сжался, ожидая побоев, но незнакомец лишь бережно опустился на колени и аккуратно привлек его к себе.

От его одежды пахло утренним зимним морозцем, но объятия были такими теплыми, что у Харе закружилась голова. Желая рассмотреть своего спасителя, он с трудом разлепил веки.

И в этот миг две пары Шести Глаз из разных эпох впервые встретились друг с другом.

В тот день он обрел человечность. В тот день он увидел самый прекрасный в мире оттенок голубого и самую добрую улыбку. В тот день у него появилось имя.

Харе. Солнечный день. Имя, несущее в себе тепло и свет.

Мальчик во сне замороженно наблюдал, как эти картины сменяют друг друга, словно кадры старой киноленты. По его щеке покатилась крупная слеза.

И в этот момент позади него раздался отчетливый звук падающей капли:

— Кап...

Харе резко обернулся. Его зрачки сузились от шока.

Перед ним стоял парень — его точная копия. Те же черты лица, тот же лихорадочный блеск небесно-голубых глаз, та же давящая проклятая энергия.

Разве что этот двойник казался совсем изможденным, его белые волосы были гораздо длиннее, а на губах играла безумная, пугающая улыбка.

Он плакал, но при этом скалился так широко, что обнажались острые, по-звериному белые клыки. Этот жуткий гибрид слез и безумного оскала выглядел по-настоящему зловеще.

Окружающее пространство внезапно потемнело. Под ногами Харе вместо привычного пола оказалась вязкая, холодная жижа. Опустив взгляд, он понял, что стоит по щиколотку в глубокой трясине.

— Что это за место?

— Моя Врожденная территория, — ответил двойник. Голос его звучал в точности как у самого Харе.

Оглядевшись, мальчик не увидел ничего, кроме бескрайнего болота, заполненного густой, похожей на черную тушь грязью. Никакого сравнения с величественной Гробницей зла Сукуны. Впрочем, глупо было ожидать чего-то иного от существа, порожденного чужой злобой.

Харе попытался сделать шаг, но липкая грязь мертвой хваткой вцепилась в его ноги. Его копия тем временем спокойно стояла на поверхности трясины, и ни единой капли не осело на его чистых одеждах.

— Но ведь это мой сон. Как ты умудрился сюда проникнуть? — Харе точно помнил, что засыпал в своей каюте на корабле. Этот парень не был запечатан в его теле, как Сукуна, так как же ему удалось обойти бдительность Сатору и Сугуру и утащить его в свой разум?

Беловолосый двойник тихонько фыркнул и прищурился:

— А почему бы и нет? Ты украл мою веру у тех деревенских дураков на горе, так что отыскать тебя не составило труда. К тому же... неужели ты действительно меня позабыл? Ну же, поройся в памяти~

В голове Харе словно молния сверкнула, пазл наконец сложился:

— Так это ты морочил голову жителям Мацуситы? И пальцы Сукуны из школы тоже ты выкрал, чтобы свалить вину на меня? Чего ты добиваешься?

— Разве не очевидно? — Двойник лениво взмахнул рукой.

Черная жижа под ногами Харе зашевелилась, выстрелив тонкими, похожими на паутину нитями. Они намертво сплели его руки и потащили вниз, в бездонную глубину болота.

Снежноволосый юноша не спеша подошел ближе. Его бледные, тонкие пальцы мягко, почти ласково коснулись лица Харе, стирая мокрые дорожки слез. На его губах играла нежная, приторно-сладкая улыбка:

— Малыш Харе, я просто хочу тебя убить~

Он говорил это так спокойно, словно признавался в любви.

Харе дернул головой, сбрасывая его руку. Известие о близкой смерти не вызвало у него особого страха:

— Если тебе нужна моя жизнь — забирай. Мне все равно.

Он и так вернулся в это время лишь для того, чтобы стереть свое существование из истории. Он не планировал выжить.

— Но если ты посмеешь тронуть моих родителей или хоть как-то им навредить... клянусь, я лично отправлю тебя в ад!

Двойник на мгновение застыл, недоуменно моргая. А затем вдруг обхватил себя руками за плечи и зашелся в безумном, истеричном хохоте.

— Ха-ха-ха-ха! Боже, какая нелепость! Я-то думал, что помог тебе все вспомнить! Неужели ты до сих пор не понял, глупый Харе? Я — это ты!

Он смеялся так сильно, что на глазах снова выступили слезы. Опустившись перед Харе на колени прямо в грязь, он крепко сжал его лицо ладонями:

— В ту ночь, когда мы родились в том темном переулке... я был той самой злобой, которую ты отторг от себя. Мы с тобой единое целое. Как ты собираешься убить меня, идиот? Ха-ха-ха-ха!

Черная жижа уже поднялась до груди Харе, затягивая его все глубже. Он потрясенно смотрел на безумца, не в силах вымолвить ни слова.

Тот, кто назвал себя его «Злым началом», продолжал смеяться сквозь слезы. Вдруг его лицо исказилось яростью, на лбу вздулись вены, а глаза расширились от безумного возбуждения:

— Ты не сможешь меня уничтожить! Ты — первооснова, и пока жив ты, буду жить и я! Но зато... — Он хищно оскалился. — Зато я вполне могу убить тебя! И занять твое место!

Его дикий крик эхом разнесся по бескрайнему болоту.

Шок Харе длился недолго. Вслед за удивлением в его глазах вспыхнул точно такой же безумный, упрямый огонек. Он хрипло рассмеялся:

— Что бы ты ни задумал, в итоге мы все равно сдохнем вместе. Такую судьбу я приготовил для нас обоих.

Когда он изменит будущее родителей...

— Хех... — Злое начало медленно убрал руки с его лица и тихо хмыкнул. — Чуть не забыл сказать. Можешь не стараться. Как бы сильно ты ни пытался спасти их, этот мир — не тот, из которого ты пришел. Твой настоящий дом давно разлетелся на куски. А те, кого ты видишь здесь... те, кого ты так отчаянно пытаешься защитить — всего лишь осколки. Тени, застрявшие в пространственных расщелинах.

— Что?! — Это известие поразило Харе в самое сердце. Он растерянно уставился на двойника, пытаясь понять, врет тот или нет. Но копия уже развернулась, собираясь уходить.

— Если хочешь узнать больше, Харе... приходи ко мне. Только один. И очень тихо.

Его силуэт растворился в воздухе, а вместе с ним исчезла и удушающая черная жижа.

Харе очнулся от ощущения сильной тяжести в груди. Дышать было трудно, словно ему на грудную клетку положили бетонную плиту. Сквозь остатки сна он уловил чье-то недовольное ворчание.

Его звали совсем не тем именем, которое он привык слышать:

— Эй, мелкий. А ну подъем.

Так к нему обращался только один человек.

— Сукуна!

Харе резко распахнул глаза и первым делом огляделся по сторонам. Убедившись, что в каюте никого нет, он облегченно выдохнул и устался на Короля проклятий, который преспокойно сидел на его груди, скрестив ноги:

— Ты чего развалился?

Если бы его застучали родители, у него бы не было ни единого шанса оправдаться. Его бы мгновенно признали опасным проклинателем.

Сукуна, скрестив верхнюю пару рук на груди, даже не подумал сдвинуться с места. Он опустил взгляд на мальчика и неторопливо произнес:

— Ты был во сне как резаный. Жутко раздражает. Пришлось выйти и посмотреть, когда у тебя наконец иссякнут слезы.

—...

Харе промолчал. Чувствуя себя круглым дураком, он попытался натянуть одеяло на голову, но оно словно приросло к кровати. Поняв, что спорить бесполезно, он вздохнул:

— Тебе обязательно сидеть именно на мне? Рядом места мало?

Сукуна остался непреклонен:

— Отсюда вид лучше.

Харе удивленно моргнул. Вопреки обыкновению, он не стал огрызаться или злиться. На его губах появилась мягкая, теплая улыбка:

— У дядюшки Мегуми есть такой пушистый пес-шикигами. Когда я был маленьким, он часто выпускал его поиграть со мной. Так вот, этот пес будил меня точно так же — садился на грудь и преданно заглядывал в лицо... Ты сейчас один в один как он. Такой милашка~

Темные глаза мальчика весело сощурились.

Монстр с четырьмя руками замер, пристально вглядываясь в лицо Харе. Спустя пару секунд он медленно наклонился к его шее, принюхиваясь, и невпопад спросил:

— Ты что, пил?

— Ну... в торте было немного рома...

— Хм, — Король проклятий презрительно фыркнул. — Оно и видно.

Харе недоуменно затрепетал ресницами и повернул голову, глядя на него влажными от слез глазами. Красные зрачки Сукуны весело сузились:

— В такую погоду лучше пить сливовое вино.

Этот странный разговор об алкоголе заставил Харе прийти в себя. Он вдруг все понял.

— Сукуна... ты что, смутился из-за того, что я назвал тебя милым?

Король проклятий помрачнел.

— Ха-ха... Ну точно! — Харе не сдержал веселого смеха. — Господи, да ты еще милее, когда злишься!

Огромный четырехрукий демон молча пересел на край постели и отвернулся, всем своим видом показывая, что не желает иметь ничего общего с этим ненормальным мальчишкой.

Наконец-то Харе смог вздохнуть полной грудью. Отсмеявшись, он сел на кровати. Воспоминания о кошмаре вновь навалились тяжелым грузом, заставив его тихо вздохнуть.

Если предсказание Злого начала — правда... где ему искать его? И что вообще значат эти слова об осколках мира?

Размышляя об этом, Харе невольно прижал ладонь к широкой спине Сукуны, собираясь втянуть его обратно в свое тело. Но, почувствовав под пальцами живое, горячее тепло его кожи, он передумал.

Мальчик осторожно пододвинулся ближе и обнял демона со спины, утыкаясь носом в его лопатки:

— Мне холодно...

Он крепче сжал руки на его широком поясе и прошептал:

— Дай мне так посидеть немного.

Ему действительно жизненно необходимы были эти объятия. Они дарили покой.

На следующий день судно Годжо пришвартовалось в порту Токио. Спустившиеся на берег подростки, уже переодевшиеся в чистую школьную форму, выглядели бледными и задумчивыми. На пристани их встречали Сёко и Аки. По пути к машине все трое хранили гробовое молчание.

Проводив их взглядом, Сёко неторопливо стряхнула пепел с сигареты:

— Тебе не кажется... что между ними пробежала какая-то очень странная кошка?

— Да, — Аки затянулся и спокойно выпустил облако дыма. — Они за все время ни разу не посмотрели друг на друга. Если верить той дурацкой книге, которую притащил Дэндзи, тут всего три варианта: а) они крупно поссорились, б) они переспали, в) каждый из них вчера умудрился знатно опозориться. Ставлю на последнее. А ты? Склоняюсь к первому. Или ко второму. Как думаешь?

<http://bllate.org/book/19043/1960212>